

63.3(2 Рос-4Тул)5
Д 56

Добро твор.

ТУЛА.

Издание Тульского Истпарта.
1923 г.

~~38450~~

K38450

2/1
056
1/1

DE

VK 300671

с) 172 63.3 (2Р-ЧТУЛ) 5
056
A56

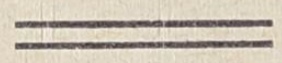
СКЛ V

~~A348~~

В. Г. О. И.

КО ДНЮ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ.

1903¹⁴/_{IX}1923.

УК 38450
10548511
12

Включена в
международный
каталог

сто
рез
воз
на

сам

хан
та

вс

мо
ста

ор
вх
~~пр~~
Ал
бы
де

в
ре

ко
вер
ма

ря

пр

Д.

В.

Первая рабочая демонстрация в Туле.

Это было тогда, когда мрак реакции, окутавший со всех сторон молодой рабочий класс России все чаще и сильнее прорезывался революционными искрами, из которых должно было возгореться пламя. Это было время, когда пламя революции уже начало возгораться.

Это было весной рабочего движения, вернее это было перед самой его весной.

Морозы царизма как будто и крепчали. Полицейское дыхание еще сковывало народ. Но моментами суровый режим оттаивал, минутами было тепло.

Всходило солнце революции. И хоть мало оно давало лучей, вспыхивали только искры, но было от них светлее

Был виднее путь, идя по которому рабочий класс России мог осуществить свою великую историческую задачу—разрушить старый и построить новый мир.

В 1902 г. в Туле был создан первый комитет Тульской организации Социал-Демократической партии, в который сначала входили Платон Васильевич Луначарский (умер; ~~брат парти-
нера~~), Сергей Иванович Степанов (директор Патронного завода), Александр Матвеевич Шишков (зав. статбюро) и который в 1903 г. был пополнен Николаем Васильевичем Рождественским (управделами Патронного завода) и Григорием Жабровым (умер).

Этот комитет был „искровский“.

Тогда вся организация в Туле, только что оформившаяся в партийном отношении, стояла на платформе „Искры“ *) т. е. революционного марксизма.

С места в карьер, если можно так выразиться, Тульский комитет начал работать. Пачками выпускались прокламации, вербовались новые члены партии, велась агитация в рабочих массах.

Тульская с.-д. организация насчитывала к 1903 году в своих рядах до 150 человек

Осенью 1902 г., в связи с созывом 2-го партийного съезда, приезжал в Тулу Дмитрий Ульянов (брат В. И. Ленина).

Тогда же на съезде были избраны делегаты от Тулы Д. Ульянов и С. Степанов.

*) Так называлась газета, издававшаяся за границей при участии В. И. Ленина.

Весной 1903 г. за гравницей состоялся 2-ой съезд партии, вызвавший раскол, который разделил партию на большевиков и меньшевиков.

Раскол был неизбежен.

Растущий капитализм к началу 20-го века разламывал старые формы политически-общественного строя.

Рабочий класс численно поднимался, техника усложнялась, в связи с ее усложнением накапливались квалифицированные рабочие силы.

Потребности рабочих увеличивались, с каждым днем они все сильнее и сильнее чувствовали свое рабское положение, то, что они на пиру жизни обделены.

Миллионы пролетариев и трудовых крестьян уже готовы были вступить в битву с самодержавием.

Нужна была руководящая революционная сила. Она и создавалась вокруг „Искры“.

Но политика прямых действий, решительной массовой борьбы была не по вкусу многих и многих марксистов, желавших идти по дороге революции „медленным шагом и робким зигзагом“.

Последним интересом развития капитализма были дорожные интересы рабочего класса. И они ограничивали свою борьбу рамками собирания крох со стола „праздно ликующих, обагривших руки в крови“.

Между тем, как перед революционными марксистами, перед искровцами, перед будущими большевиками стояла задача—не заниматься крохоборством, а разогнать всю свору пирующих эксплуататоров и на пиру жизни за стол посадить тех, „чьи работают грубые руки“...

Трудно было запрячь в одну телегу „коня и трепетную лань“.

Российская Социал-Демократическая партия неизбежно должна была расколоться на большевиков и меньшевиков.

В Туле до осени 1903 г. ни о каком расколе в местной с.-д. организации не было и речи.

Раскол еще не докатился до Тулы.

В Туле существенных разногласий по вопросам тактики не наблюдалось.

Но так было только до первой серьезной пробы рабочих сил в деле революции.

Эта проба сил к 1903 г. для Тулы уже являлась необходимостью.

Какая революционная работа до того велась?

Существовали рабочие кружки, читались в них лекции, проводились беседы, получали из центра прокламации, их разбрасывали, кое-что сами печатали—этим работа в большинстве и ограничивалась.

Массовой борьбы еще не было.

Из подполья не выходили.

Еще не демонстрировали свои силы перед лицом царизма. Но по всей России революционная борьба уже выносилась на улицу.

Почва для этого создалась в результате промышленного кризиса, наступившего тогда в России.

С весны 1903 г. начались по России аграрные беспорядки (в Харьковской и Полтавской губерниях). Крупные забастовки и массовые политические демонстрации — самой жизнью были поставлены в порядок дня революции.

Выражение „Долой самодержавие“ стало новой народной поговоркой.

Особенно крупная демонстрация имела место в Ростове 2 марта 1903 г. В этой демонстрации участвовало до 30000 чел.

Арестованных в связи с ростовской демонстрацией 23 августа 1903 г. судили, из них троих приговорили к смертной казни через повешение, других же, кого на поселение, кого к каторге, кого к тюремному заключению.

Приговор был бесчеловечный, жестокий.

Точно не приговор был произнесен, а свист нагайки пронесся над всей Россией.

Этим приговором со стороны царизма был брошен вызов

Надо было на него ответить, надо было протестовать, реагировать на дикие наскоки на рабочий класс расsvирепевшего самодержавия.

Тульские рабочие решили не оставить без внимания приговор по ростовскому делу.

Настала пора показать, что и в Туле рабочие проснулись, что они тоже готовы к борьбе с царизмом.

Таким путем в Туле подошли к организации первой массовой рабочей демонстрации.

Организатором и руководителем демонстрации был тогда, конечно, Тульский комитет с-д. организации.

Подготовка к демонстрации была короткая.

Тов. Колесников в своих воспоминаниях („Рев. Былое“ № 2) об этом говорит следующее:

„Решение о демонстрации было принято на заседании Тул. К-та Р. С. Д. Р. П. за неделю до демонстрации. Затем на кружковых районных собраниях это решение обсуждалось. При обсуждении в кружках выяснилось, что у нас в организации, хотя и очень маленькой тогда (150 человек), была очень солидная оппозиция, которая, видя, что от слов переходят к действиям, встала, что называется, на дыбы и открыто выкинула лозунг „Долой политические требования т. к. они не понятны еще рабочим массам“. По их мнению нужно постепенно, исподволь приучить к политике рабочий класс, соорганизовав его сначала

в профессиональные союзы, а то, сразу-то, рабочих можно отпугнуть от себя“.

„В пространных речах они стали доказывать всю полезность их убеждения для рабочего класса, о нуждах которого они, по их мнению, заботятся больше, чем мы. Набрали они человек 40, которые воздерживались и открыто голосовали против демонстрации и вообще против всякой политики.

Вот из этой оппозиции впоследствии и выросла Тульская группа меньшевиков.

Выход оппозиции из нашей организации не был нами официально оформлен и они не заявили о выходе, но это было само собой понятно для нас“.

Помимо устройства кружковых собраний, где ставился вопрос о демонстрации, велась подготовка и в области печатной агитации, Энергично стала работать „типография“ местной С-д. организации, находившаяся у Рождественских на Старо-Павшинской ул. за церковью Фрола и Лавра и состоявшая из пишущей машинки и мимиографа.

Перед самой демонстрацией была отпечатана призывная прокламация, начинающаяся словами:

— Товарищи, гнусное самовольное правительство, играющее в руку капиталистов и напрягающее уже свои последние силы для подавления русского революционного движения, совершило опять дерзкое позорное преступление над нашими ростовскими товарищами.—

Этот листок призывал товарищей к открытому протесту „против возмутительного приговора продажных судей над участниками демонстрации, состоявшейся в Ростове“.

Дальше, резко порицая высших представителей власти и приглашая отдать их „на суд улицы“, воззвание убеждало товарищей выйти на улицу с лозунгами.

— Долой самодержавие! Долой капиталистов!

— Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социализм!—

Помимо этой „вступительной“ прокламации были отпечатаны еще четыре *), которые должны разбрасываться в день демонстрации во время шествия.

Составителем этих прокламаций был Платон Луначарский.

В печатании же их участвовали Рождественские Николай и Александра, Шпанов Александр, Кудрявцев Николай и некоторые другие.

Демонстрацию назначили на праздничный день—на 14 сентября—день православного праздника Воздвижения.

Накануне ночью разбрасывали предварительную призывную прокламацию о демонстрации, бросали ее в почтовые ящики

*) Эти прокламации приложены к брошюре.

порадных дверей, просовывали в калитки—одним словом, куда только было можно.

Вечером же этого дня состоялись районные кружковые собрания, где по вопросу об устройстве демонстрации все окончательно было „решено и подписано“.

Тульскую первую рабочую массовую демонстрацию 1903 г. удачно нарисовал Александр Фролов в своей книге „Пробуждение“ (ч. I., 1923 г. Украинское Издательство).

Утро праздничного дня. Чтимый народом праздник: строгий, постный. Фабрики и заводы не работают; по церквам стоит густой звон, в храмах—большое богослужение. В домах пироги пекут с капустой, тянутся на базар крестьяне, повозка за повозкой с дровами, сеном, яблоками. Бойко торгуют магазины, зазывая прохожих. Кишат народом улицы: идут на толкучку, с толкучки; с делом и просто так—поротозейничать. Около водопроводной будки десятки крестьянских лошадей. По дороге—кучья сена, стаями сизяки, воробьиные свадьбы. Скрип возов, говор, звон, крики; буйно кипит в городе утренне-праздничная жизнь мещанства.

Нарядная молодежь торопилась на Киевскую,—гулять. Давно заведено было: от обедни до часу взад-вперед по улице походить, знакомых увидеть, с „барышней“ погулять, показать себя, других посмотреть. Мы, подпольщики, тоже гуляли по этой улице, но с другой целью. Молодежь сходилась здесь тысячами. Рабочие по одной стороне, приказчики и учащиеся—по другой. Сами по себе как-то разделились и не любили друг друга. На той и другой стороне мы имели своих, там и тут велась агитационная работа.

На этой улице должна была начаться и демонстрация.

Пришли. Народу как всегда—пушкой не прошибешь. Но что-то новое чувствовалось в гуляющих. Вкрапилась иная публика в гуляющих, не всегдашняя, чужая, не умеющая как будто спокойно гулять по панели. Кучками бродили как по базару, не озорничали, а были серьезны; отдельные лица из кучек вдруг срывались и, расталкивая гуляющих, подходили к другой кучке, о чем-то переговаривались—и снова к своим.

— Ну что-же, скоро?—нетерпеливо спрашивали нас некоторые, бросая слова, как бы ни к кому не обращенные.

— Направляйте всех к детскому саду,—шепнул нам встретившийся Жабров.

— К саду, к саду, к саду,—тихо передовали мы тем, кого знали.

— К саду,—неслось отовсюду.

Пришедшие гулять экономисты, хорошо зная о демонстрации, ехидно улыбались. Сновали переодетые жандармы. Полиции было больше, нежели надо, но она делала вид, что ничего не замечает.

Потянулись вверх по улице. Полиция с жандармами за нами. Подметили это гуляющие.

— Сейчас бунт будет,—пронеслось среди них.

Многие просились наутек. Любопытные пошли за нами. Но адресу полиции раздались проклятия.

Промчался во весь опор пристав Лавров к полицейскому участку.

Спокойно; как ни в чем не бывало, стоял около сада Кудрявцев. Он был в больших сапогах и с палкой. Никто к нему не подходил и никто с ним не здоровался, словно это был совершенно посторонний человек.

Но между ним и нами была какая-то нить. Он руководил всем делом.

Около сада демонстрации начать все-таки не удалось. Стянутая полиция зорко следила за каждым нашим шагом. Только начни и нас моментально бы смяли. Решили обмануть полицию. Она хорошо знала, что демонстрация должна начаться на Киевской. На ходу мы перенесли ее на другую улицу.

Немноголюдная улица, но бойкая, пересекала Спасскую площадь*) и вела мимо церкви Спаса к центру. Полиция и жандармы никак не могли предполагать, что отсюда начнется демонстрация. Когда мы все частями ушли с Киевской улицы и в разные стороны, она, видимо, подумала, что демонстрация отложена. Мы же, а за нами и многие рабочие, растаяв на Киевской, вдруг в большом количестве собрались на другой улице.

Дорогу и тротуар разделяла глубокая и широкая городская канава, через которую местами были перекинута деревянные мостики. Между двумя лавками, мясной и бакалейной, мы остановились. Тротуар был черен от публики. Жители удивились. Из лавок выскочили покупатели, приказчики и хозяева. Все были в недоумении.

Жабров, Кислов, я, Иваненко, Голюев и еще несколько человек рабочих моментально выскочили на дорогу. Балазин выкинул красное знамя и оно, священное, красное, взвившись над нами, заколыхалось на волнах рабочей песни.

„Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног“—хватили мы.

И пошли. Маленькая группка по дороге и черные ленты по тротуару. Дождем посыпались прокламации. Народ бросился подбирать. Около водопроводной будки—крестьянские телеги, мужики столпились. Рты разинулы: не поймут, в чем дело,

— „Мы пойдем в ряды страждущих братьев, мы к голодному люду пойдем“—уже густо поют демонстранты.

Прямо в телеги летят прокламации. Точно за рассыпанными деньгами, кинулись на них обыватели. Со всех концов напирали и бежали на нас любопытные, удивленные, молчаливые.

*) Теперь Площадь Восстания.

„Богачи, кулаки жадной сворой расхищают народный наш труд“,—загремело по площади, ударившись в стены храма Спасо-сопреображения. Кругом нас сотни народа. На тротуарах—лава. Все залито солнцем. Светло. Ядрено-холодно. Бодро и празднично. Как мы шли, как мы пели, сколько было народу за нами,—мы не знали, не помнили и не видели. Мы все были—подъем и стремление вперед, уже без цели и расчета.

И вдруг, как по команде, мы все остановились. Прямо на нас из двора городской управы, пригнувшись, с шашками над головой, летело человек тридцать городских. Они бежали так, словно боялись, что мы их встретим залпами. Уже близко. Пьяные зверские лица. Хрип голосов пьяных. Воодушевляющий крик пристава:

— Бей их, сволочей!

Примкнувшие к нам дрогнули. Бросились на тротуар. Мы на дороге остались одни. Знамя веяло, кулаки сжимали палки.

— Вперед!—раздался голос.

С боку набросились на нас пекаря Филиппова. Началась свалка. Нас оттеснили к углу, к канаве. Многие разбежались, другие, видя, что нас бьют городские, стали бить их.

Маленького знаменщика Балазина окружили городские стараясь вырвать знамя. Большой Иваненко отбивал палкой нападающих.

Ему с боков помогала публика. Наконец нас всех разбили на кучки. Иваненко сбили с ног и поволокли на извозчика. Прибежала к городским подмога. Один из них схватил знаменщика за руку и некоторое время как бы соображал, что ему делать: бросить ли шашку, чтобы освободившейся рукой вырвать знамя, или бросить знаменщика и ухватиться за знамя. Это был миг, которым воспользовался один из рабочих. Он подбежал к городскому, развернулся и по-казюцки сшиб его прямо в канаву. Потом он вырвал у Балазина знамя и моментально скрылся. Все дрогнули и стали разбегаться. Начались аресты прямо на улицах. Но публика не расходилась. Кучками стояла на углах и читала прокламации.—Расходись, расходись!—кричали городские. Конным карьером носились по дороге. Всех мало-мальски подозрительных арестовывали. Я уже совсем был в публике. Встретил даже знакомых обывателей и, как ни в чем не бывало, поговорил с ними

— Ишь что задумали, подлецы,—бунтовать,—говорили мне.

— Да, да—соглашался я.—Безобразие.

На одном из углов кого-то стали арестовывать.

— Пойдемте отобьем,—раздались около меня голоса.

Смотрю,—два экономиста*) Быков и Малевский.

— Идем,—говорю им.

*) Из оппозиции, высказавшейся против политической борьбы рабочего класса.

Все трое бросились на дорогу. Я к жертве и городовым, те двое в сторону, сделав вид, что переходят дорогу. И я, как дурак, остался на дороге один. В это время под'ехал на лошади пристав и крикнул бежавшим городовым—Взять его—

Меня сцапали.

К этому описанию демонстрации почти ничего не приходится прибавлять. Можно только указать на некоторые фактические данные, например, на то, что у демонстрантов во время шествия имело 4—5 красных флагов, что полицейские избили до полусмерти рабочего Володина, что было разбросано около 500 прокламаций (4-х образцов), что количество участников демонстрации достигло 300 с лишним человек, не считая посторонней публики и т. д.

По делу о демонстрации 1903 г. было арестовано около 30 человек: Балазин (раб.), Бунзен (раб.), Володин (раб.), Деев (раб.), Евлампиев (раб.), Жабров (раб.), Жилин (раб.), Иваненко (раб.) Игнат'ев (раб.), Колесников (раб.), Кудрявцев (инт.), Луначарская (инт.), Моревский (раб.), Морозов (раб.), Рождественская Александра (инт.), Рождественская Анна (инт.), Рождественский Митрофан (инт.), Рождественский Николай (инт.), Сидоров (инт.), Фролов (раб.), Шлычев (раб.), Шпанов (инт.), Шепетева (инт.) и другие.

Началось следствие. Тянулось оно один год и 5 месяцев.

За это время некоторых, за недоказанностью обвинения, освободили.

Надо сказать, что губ. жандармское управление работало не совсем умело.

Арестованным пред'являлось обвинение не только по делу о демонстрации, но также по делу об участии в „преступном сообществе“, именующем себя „Тульским Комитетом Российской Социал-Демократической партии“.

Между тем, видных деятелей Тульского Комитета, как Платон Луначарский и С. И. Степанов, совершенно не обнаружили, а арестованную С. Н. Луначарскую (Смидович) вскоре освободили, за отсутствием достаточных улик.

Одно то, что местная жандармерия допустила демонстрацию, не сумев ее предупредить, хотя и были приготовления к этому, например, в Сапуновском пер. была спрятана рота солдат, в городской управе несколько десятков городовых, в Кремле были также солдаты с ружьями,—доказывает, как растерянно себя чувствовали охранители царского порядка.

Тогда Тульская тюрьма была переполнена политическими.

Все одиночные камеры были заняты. Прежде, бывало, из политических в тюрьме сидели больше интеллигенты, а теперь, в нее хлынула волна рабочих.

Готовился впервые для Тулы крупный социал-демократический процесс.

Следствие было закончено 20 го ноября 1904 г. К этому времени в тюрьме остались сидеть только 18 человек, но их тоже вскоре выпустили, назначив суд на весну 1905 г.

Необходимо упомянуть, что арестованными по делу о демонстрации, и в тюрьме была устроена демонстрация и объявлена голодовка.

Об этом тот же А. Фролов пишет следующее:

„Когда мы досидели до Первого Мая, тюрьма превратилась в первомайскую демонстрацию, со всем присущим ей содержанием. К празднованию не готовились, а чуть наступило утро Первого Мая, кто-то взял да и вывесил в окне красный платок. Красные платки часто висели на окнах для просушки и никто на это не обращал внимания. Но в этот день платок оказался именинником. Ему администрация придала политическое значение и приказала его убрать. Платок убрали. Тогда на смену ему Колесников Сергей вывесил алую рубаху. Его примеру последовали другие и во многих окнах камер, занятых политическими и даже уголовными, появились красные пятна. Все цветное, напоминающее красное знамя, вывешивалось за окно, на решетку. Тюрьма украсилась импровизированными знаменами Первого Мая. Администрация не на шутку перепугалась. Украшенная красными знаками тюрьма была видна многим. Могли донести об этом в город. За такой „беспорядок“ влетело бы администрации тюрьмы здорово. Сам Бурчун-Бурчевич бросился тогда по камерам и стал уговаривать нас убрать красное.

— Господа,—говорил он,—помилуйте, ну что вы делаете. Я для вас и то. и другое, а вы—демонстрацию. Ведь это же с вашей стороны, ей богу, нехорошо. Я должен принять меры.

Нам было смешно и весело.

Вечером Первого Мая устроили такой праздник, что у жандармов после (должно быть, целую неделю) голова болела. Началось с того, что Егор Колесников зажег на окне костер, выдернув из матраца солому. Тотчас все население тюрьмы, буквально все, вылезло в окна смотреть, не пожар-ли это.

— Товарищи!—крикнул Егор, озаренный ярким пламенем.

— С Первым Мая вас! С рабочим праздником!

— Ура! Ура!—загремело вокруг.

Рабочий, Сергей Каменев, он сидел на самом верху, в четвертом этаже—начал речь.

— Товарищи,—сказал он,—мы в тюрьме. Правительству кажется, что оно нас заколотило в гроб. Да, тюрьма—это могила. Но и отсюда, из могилы, мы говорим врагам нашим, что сегодня Первое Мая, сегодня рабочий праздник, та рабочая Пасха, в день которой по всему миру несется не поповский колокольный звон, а рабочий клич: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“. Как во время христианской Пасхи, как говорят попы, черти сидят в аду, поджав хвосты, и не показывают рыла, так и Первого Мая буржуазия трепещет рабочих. Им бояться есть чего—мы

сила и, как бы они нас не давили, мы их победим. Пусть слышат это наши друзья на воле и враги в тюрьме.

„Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног“ — запел он потом железным голосом, который подхватили все остальные, и тюрьма сотряслась от песни.

Пели даже уголовные. А потом начались сольные выступления: кто декламировал, кто пел. Колесников Сергей, сидевший рядом с Ткаченко, прекрасно спели „Полоску“. — „Полоса-ль ты моя полоса, нераспаханная сиротинка!“. Вечер закончили вторичным хоровым пением „Солнце всходит и заходит“. Шишков слабым баритончиком запевал, а все остальные подхватывали. Пели стройно, голосов в сорок, раскиданные по всем этажам громадной тюрьмы, так что издали, там, в весеннем темном поле, где, может быть, шли в это время рабочие с массовки, песни чудились мощным призывом арестованных к борьбе за рабочее дело.

Правительственные верхи, видя, что тюрьма для политических заключенных не страшна, что они в ней не только не раскисают, а еще больше революционизируются, признало нужным прижать нас. Немедленно выкопали некий циркуляр тюремного ведомства и, опираясь на него, запретили нам иметь свою кухню.

Тюрьма заволновалась. Для здоровых эта перемена была еще туда-сюда, а больным — могила. Как раз в это время был арестован и привезен в тюрьму, в последних градусах чахотки, Григорий Иванович Жабров и молодой рабочий Николай Васильевич Батищев. Жабров лежал в одиночке в нижнем этаже, сыром и холодном, на бессолнечной стороне. Его даже не хотели переводить в больницу. Несколько раз все политические обращались к Бурчуну-Бурчевичу о переводе Жаброва в лучшую камеру, но насильник отвечал, что нет мест. Мест, правда, было мало: политических все подвозили. Нас, „стариков“ — демонстрантов, стали сажать по-двое, по-трое в одну камеру. Я сидел уже вместе с Иваненко в хорошей камере. Предложили мы начальнику поменяться камерами: мы займем Жабровскую, а он — нашу. Замаялся начальник и отговорился разными пустяками.

Обсудив все, мы решили не сдаваться и не уступать.

Единогласно было принято: объявить голодовку. Разведав об этом, Жабров прислал записку, чтобы из-за него товарищи не подвергали себя лишениям. С ним не согласились. Тогда он, больной, вскарабкался на окно и, задыхаясь и кашляя, стал умолять, даже угрожать, что в интересах общего рабочего дела мы не имеем права из-за одного товарища подвергать опасности многих.

— Товарищи, — сказал он наконец, — жить мне все равно немного, а ваши силы нужны.

Где тут! Чем больше он нам доказывал, тем сильнее была жажда борьбы с жестокими врагами.

Утром следующего дня все были в боевом настроении готовились морить себя голодом, а подъем духа был необыкновен-

ный. Все думали о победе, и никто не задавал себе вопроса, как быть, если администрация не удовлетворит наши требования. Твердо знали одно, что голодать надо до конца. Первые два дня мы все были на ногах, с утра до вечера сидели на окнах, читали, разговаривали, шутили, подбадривали друг друга. Туго подвязывали животы. Есть хотелось, но так же, как хочется обыкновенно проголодавшемуся человеку. На третий день произошло резкое изменение. Состояние наступило такое, какое бывает у курильщика, когда ему курить нечего. Когда он бросается к окуркам и, не имея возможности удовлетворить жажду курения, беспомощно напрягает ум, силясь придумать, чтобы покурить. Во рту—сухо. Губы—потрескались. Воспаленные глаза лихорадочно бегают по камере, пальцы нащупывают разные бугорки, радуются крошке и в то же время боятся ее, как бы она не попала в рот.—Есть нельзя,—ворочается в голове мысль. И, как нарочно, лезут в голову думы о вкусной пище, которой когда-то на воле наслаждался. Шум в ушах, звон, точно далеко, далеко в колокола звонят. Ни с кем не хочется говорить. Свет не мил! На четвертый день легко, хорошо, словно только что пообедал. Тело пуховым казалось. Ни о чем не думалось, только ко сну клонило. Последне должно быть потому, что первые две ночи не спалось. В тревожном полубытьи мерещилась еда. На пятые сутки камеры обошел Бурчун-Бурчевич и всех стал уговаривать бросить голодовку, обещал улучшить пищу.

Мы не сдавались.

Жабров, видя, что мы голодаем пятые сутки, а результатов нет, заявил нам, что он тоже об'являет голодовку (до этого он, как туберкулезный в тяжелой форме, согласно постановления, не принимал участия).

За Жаброва стало жутко, у него и без этого шла кровь горлом. В это время в лежку лежали даже и здоровые. Тюрьма притихла. Даже уголовные перестали смеяться. На шестые сутки все были, как тени, и, когда нам старшие радостно сообщили, что Жабров взят на поруки,—в насхватило мужества не поверить этому. И только на седьмой день голодовки мы получили с воли весточку, что полумертвого Жаброва отдали жене на поруки. После этого я Жаброва уже не видел: он умер через неделю после своего освобождения, оставив в наследство сына, ставшего потом партийным работником!

В апреле 1905 г. должен был состояться суд. В качестве защитников были приглашены из Москвы лучшие тогдашние адвокаты: Мандельштам, Скляр, Кистяковский и Кобяков.

В виду неявки некоторых подсудимых, по настоянию защитников, желавших оттянуть время в надежде на приближающуюся революцию, суд был отложен до октября 1905 г.

То, что было в октябре 1905 г., мы все знаем.

Суд над участниками демонстрации 1903 г. так и не состоялся.

Теперь о политическо-общественном значении демонстрации.

В № 2 подпольной газеты „Правда“, ¹⁾ вышедшем в декабре того же 1903 г. и посвященном событию 14 сентября, дана верная и полная оценка первой рабочей демонстрации.

„Правда“ в своей передовой писала:

— „Демонстрация со стороны тульских рабочих 14 сентября имела целью заявить открытый протест против всего политического строя.

— Демонстративный протест тульских рабочих имеет тем большее и, притом не только местное значение, что направлен против всего российского политического строя, другими словами— против царского самодержавия, под которым стонет вся Россия.

— Демонстрацией 14 сентября тульские рабочие заявили и свою солидарность со всею громадной семьей российского пролетариата. Тульские рабочие 14 сентября заявили, что они также готовы бороться всеми силами за то же, за что борется весь рабочий класс, т. е. за свободу и счастье всех людей. А враги свободы и счастья людей, все российские паразиты получили от тульских рабочих предостережение. Для самих тульских рабочих демонстрация имеет огромное нравственное значение. Она всколыхнула все население Тулы. Она потрясла вековую спячку. Она привлекла пристальное внимание всего населения большого города к важным задачам и светлым идеалам рабочего класса. А тульские рабочие увидели такое сочувствие к себе, хотя пока и пассивное, со стороны всего населения,—итти вперед на риск, и на жертвы отныне им станет легче. Велико, конечно, и воспитательное значение состоявшейся демонстрации, как для всего населения Тулы, так и для самих тульских рабочих.

К этому можно только добавить, что для нас демонстрация 1903 г. представляет интерес еще в том отношении, что тогда в связи с выступлением рабочих на улицу для борьбы с царизмом произошел раскол в местной с.-д. организации, оформившийся в дальнейшем в разделении всей организации на меньшевиков и большевиков.

Демонстрация 1903 г. обнаружила основную природу меньшевизма—уклоняться от решительной борьбы за освобождение рабочего класса, свою трусость и половинчатость прикрывать красивыми фразами вместо того, чтобы красиво выполнять революционные обязанности.

¹⁾ „Правда“ первая подпольная с.-д. газета в Туле. Первый № вышел в августе 1903 г. Редактором газеты был П. Луначарский.

Чтобы более ясен был смысл и значение демонстрации 1903 г. необходимо отметить, что демонстрация не была делом рук какой нибудь группы лиц, желавших во что бы то ни стало устроить демонстрацию.

Как и во всей России тогда, так и в Туле сама жизнь, само экономическое положение трудящихся масс толкало их на такие формы действий, как демонстрация, забастовка и т. д.

В этом отношении интересно познакомиться с политическим обзором Тульской губернии за 1902 г., составленным в свое время губернским жандармским управлением для департамента полиции. Вот что говорится в „Обзоре“ о положении рабочих Тулы в 1903 году.

„Сокращение работ на фабриках и заводах по случаю общего промышленного кризиса и уменьшение вследствие этого заработка не только в отношении числа рабочих, но и по сумме заработка, значительно подорвали экономическую устойчивость населения, которое вследствие этого сделалось весьма чутким к вопросам, затрагивавшим материальную сторону их бытия. Этой экономической нуждой и воспользовалась группа лиц для достижения своих агитационных действий, так как она затрагивала вопрос самый трепещущий, самое болезненное и язвительное место, и шла, повидимому, верным путем к возбуждению общего недовольства и протеста.

Тула, несомненно, город фабричный, доказательством чего служат многие издавна в нем существующие фабрики: самоварные, гармонные, замочные, скобяные, оружейные и т. п. Временный подъем промышленной деятельности, замечавшейся в середине и в конце 90 годов, с 1900 г. стал падать и его сменил, так называемый, промышленный кризис: сначала стала уменьшаться заработная плата, а потом последовало сокращение рабочих, так что в настоящее время едва ли третья часть всего рабочего населения гор. Тулы находит для себя сносный заработок.

Оружейный завод будучи в 80 годах реорганизован, расширил свою производительность, начав с 90 года увеличивать количество рабочих, число коих в 96—97 годах дошло до 12000 человек. Однако времена переменились и с 1898 года Оружейный завод стал сокращать рабочих быстро, предположив оставить в 1903 году лишь 1500 рабочих“.

Таким образом, мы видим, что „экономика“, как это и всегда бывает, определила в Туле „политику“, именно, тяжелые условия жизни тульских рабочих вследствие промышленного кризиса вынудили их выйти на улицу с лозунгами:

— Долой самодержавие! Долой капиталистов!

„Уходит корабль событий... в океан мировых широт“.

20 лет тому назад поднялась в Туле первая волна открытого рабочего выступления на борьбу с отживающим буржуазным миром.

Сколько же таких волн революции прибило к берегу истории за истекшие 20 лет?

Их не сочтешь.

Уже не отдельные волны, а революционные валы, смерчи, бури поднимались в океане жизни.

Но нам дорога первая волна революции, для нас особенно красиво первое пламя зари.

Мы будем помнить 14 сентября 1903 г., когда тульские пролетарии дали первую пощечину русскому самодержавию.

„Нынче земля—не тюрьмой нам, не клетью,

Нынче и в осень глухую весна“.

Но тогда этого не было. Тогда кругом была только унылая черная осень.

Оттого-то, на фоне этой постоянной осени, день первой рабочей демонстрации в Туле—14 сентября 1903 г., выделяется ярким солнечным весенним праздником.

ПРОКЛАМАЦИИ.

Эти прокламации (4-х образцов) демонстранты разбрасывали во время шествия.

Первая.

Товарищи, сегодняшней демонстрацией мы выражаем протест против того политического и общественного строя, при котором возможны такие приговоры, как приговор над нашими товарищами, произнесенный 23 августа за демонстрацию 2 марта. Выразим также сочувствие забастовавшим на днях товарищам нашим москвичам. Покажем царскому правительству, что оно не устрашит нас своими зверскими приговорами и расстреливаниями, и повторим наши требования свободы сходок, стачек, союзов печати, словом, существовать по человечески.

Вторая.

Товарищи, всякий из вас знает, как тяжело, как безвыходно ваше положение. Вас эксплуатирует капитал, вас давит полицейский произвол, вас гнетет самодержавие, и вот время от времени ваши товарищи, которым не вмоготу становится дальше терпеть, выступают с открытым протестом против всего того, что не дает им возможности трудиться и жить, против гнета капитализма и самодержавия. Так было прошлой осенью и нынешней весной в Ростове, так было нынешним летом в Тифлисе, Батуме, Баку, Николаеве, Керчи, Одессе, Екатеринодаре, Киеве, Екатеринославле. Особенно мощно выразился этот протест в Ростовской демонстрации 2 марта: в ней принимало участие около 30.000 человек, полиция была бессильна против демонстрантов, и не могла разогнать их, демонстранты сопротивлялись полиции и на ее угрозы отвечали криками: „Долой самодержавие, да здравствует социализм“, На удары отвечали ударами. Между прочим эсаул Антонов (пристав), очевидно, особенно зверствовал при водворении порядка, был так избит, что чрез несколько дней умер.

Арестованных со времени демонстрации и после нее судили не судом присяжных, которые могли оправдывать обвиняемых, даже не судом сословных представителей, а судом военным, который выносит заранее продиктованный ему правительством приговор. Суд был в Таганроге 23-го августа. Он не поспешил на

наказания: трое, а именно Браиловский—Штутгардский, студент, Колосков—казак и Куксин—крестьянин приговорены к смертной казни через повешение, двое—на вольное поселение, трое к каторге—от 2 до 4-х лет, один к арестанским ротам на 3 года и трое—к тюремному заключению—от 4-х до 2-х лет. Наказной атаман имеет право заменять смертную казнь безобразной каторгой, бессрочной каторгой, но это уже называется милость. Стало быть, правительство считает себя в праве карать людей смертной казнью за то, что они выходят на улицы и на площади заявить о своих нуждах. Само правительство доводит их своим гнетом до открытого протеста и затем убивает их, как нарушителей порядка. Товарищи, мы не можем пропустить этот зверский приговор без ответа, им самодержавное правительство хочет устрашить нас и в то же время само трусливо закрывает двери суда, чтобы народ не мог узнать подробности дела и понять всю мерзость и подлость правительства. Товарищи, покажем же, что мы не боимся царских угроз. Пусть каждый, у кого в мозгу еще не задушена мысль, или у кого еще теплится в душе живое чувство, пусть каждый выходит на улицу и становится в ряды протестующих. Пусть все поднимутся и покажут, что они не придавленные, бессмысленные, бездушные машины, а живые люди, способные чувствовать и отвечать по живому. Вперед, товарищи! Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода, да здравствует социализм!

Третья.

Весной 2-го марта на улицах Ростова произошла огромная народная демонстрация. Местный социал-демократический комитет воспользовался стечением народа за город на кулачный бой. Замешавшись в 5 тысячную толпу кулачников, организованные рабочие с криками „ура!“, выбросили красные знамена с революционными надписями: „Долой самодержавие“, „Да здравствует политическая свобода“. Оратор обратился к народу с короткой речью: „зачем нам тратить силы на борьбу друг с другом, они нужны нам на борьбу с общим врагом—правительством. На улице, товарищи!“ Горячего призыва было достаточно, чтобы вся народная толпа с пением революционных песен и криками! „долой самодержавие“ двинулась по улицам Ростова, растая, как снежная лавина. Почти весь рабочий Ростов собрался под знамена революции, и в течение нескольких часов улицы были в руках протестующего народа. Несколько нападений полиции были успешно отбиты демонстрантами. Толпа победоносно шла все вперед и вперед, и только появившиеся войска заставили ее разойтись. Правительство было смущено. ему не удалось устроить обычную бойню, его поиски организаторов демонстрации оказались неудачны и в довершение всего оно потеряло одного из верных своих слуг: в схватке с полицией кто то смертельно

ранил полицейского эсаула. теперь оно спешит исправить свою оплошность: на крики народного протеста оно отвечает приговором военного суда над демонстрантами. Трое приговорены к смертной казни, двух женщин оно ссылает на вечное поселение, четверых гонит на каторжные работы, остальных в арестантские роты. Этот бездушный приговор, эта кара смертью за открытое проявление протеста, является вызовом, брошенным социал-демократии, и мы примем этот вызов, примем без колебаний. Мы заранее торжествуем победу, мы видим, что у врага иссякли последние силы, что только слабостью и неуверенностью объясняются слабые меры. Открытая борьба с народом все! Киевские, Ростовские, Златоустовские избиения и, наконец, это последнее убийство беззащитных людей в застенке—все это не спокойные, не сильные, не верно рассчитанные удары торжествующего победителя, а тревожные судороги умирающего зверя. И мы кончим его агонию. Новые массовые демонстрации послужат достаточным ответом убийцам. Открытый смелый протест измученного, ограбленного народа покажет всем, от сановника до пролетария, как глубока народная ненависть, как крепки корни революции.

Их не вырвешь смертью, ссылкой на каторгу—они питаются великой духовной жизнью рабочего. На улицу же, товарищи! На улицу показать всем, что созрели в народе силы, идущие на смену самодержавию, жаждущие борьбы за свободу. Пусть громко раздаются вольные крики протеста:

Долой самодержавие! долой убийцу наших братьев! Да здравствует политическая свобода!

Четвертая.

Овцы и люди.

В одном барском имении было большое овечье стадо. Жилось ему очень плохо: пастухи жестоко стегали овец кнутами, кормили их по зимам гнилою соломою; крыша на скотном дворе была дырявая и везде протекала, в дождь не было на всем дворе ни одного сухого места. Весной и осенью каждой овце скручивали ноги, валили на землю и стригли ее, потом голую и зябнувшую выпускали, а шерсть уносили куда-то. Иногда пастухи выбирали из стада ягненка, уволакивали его за ограду—и овцы слышали как блеял и надрывался в руках пастухов унесенный ягненок и вдруг замолкал; а на утро земля за оградой была красная, пахло кровью, и стадо в испуге бросалось в сторону. В осеннюю стужу, когда было голодно и холодно особенно, овцы, стоя на дворе по колена в навозной жиже, жались друг к другу, думали о своей жизни и роптали на злых пастухов. „Вот погоди, дай узнает барин, как они нас теснят—и всех их

прогонит, перестанут нас бить и стричь, выстроят нам теплый двор и будет нам в волю не только сена, но и овса“. Изредка, летом, овцам приходилось видеть барина: это был блестящий генерал, весь залитый золотом, он выходил на высокое крыльцо своих хором, вместе с красавицей барыней и богато одетыми детьми, и овцы, подгоняемые пастухами, неслись в пыли мимо крыльца и дружно восторженно блеяли, а генерал с семейством ласково смотрел на них и улыбался. Хотелось овцам... рассказать барину про свои обиды, но сзади их шли пастухи с длинными кнутами и овцы не смели жаловаться. Но они все надеялись, что когданибудь им, наконец, удастся добраться до барина. И в ночную осеннюю стужу, перед голодными, дрожащими от холода, овцами, носился образ ласково улыбающегося, залитого золотом барина и им было приятно, что барин у них такой пышный и верили они, что придет день и разгонит барин пастухов, и настанет для овец жизнь и воля. И не понимали глупые овцы, что пастухи стригут у них шерсть по приказанию барина, что зарезанных ягнят подали ему на жаркое, что он не хочет покрыть протекающей крыши двора, так как ему жалко на это денег, и что он такой пышный и блестящий именно потому, что его овцы такие голодные и иззябшие. Когда всего этого не понимают овцы, то тут нет ничего удивительного: на то они овцы. Но когда этого не могут понять люди, то больно и обидно становится за них. Все, например, видят и знают, как мало дела до народа губернаторам, земским начальникам, фабричным инспекторам и полиции: они претесняют, бьют народ, берут с него взятки, заступаются за сильных и богатых. Но народ думает, что это „злые пастухи, а там далеко, в высоких хоромах живет добрый, пышный барин, батюшка-царь: он только не знает, а дай, вот узнает, задаст он всем этим насильникам“. И никто не спросит себя, почему же этот добрый барин не знает того, что знают все и на что он нужен, если ничего не знает и не может узнать. Но дело в том, что он все прекрасно знает, а не заступает за народ потому же, почему не заступает за овец их барин: они ему только и милы овцы, что их можно стричь и резать, и пышно жить за их счет, Как появились в России цари Романовы? Попы и сам царь уверяют, что он сидит на царском престоле „Божьей милостью“, это не правда. Его посадил на престол не бог, а народ, значит он царь не „божьей милостью“, а народной милостью. Не бог дал ему в полную собственность русский народ, а русский народ в смутное время, когда народные силы были в расброде, выбрал себе царя, выбрал не для того, что-бы быть его рабом, а чтобы он устраивал и упорядочивал жизнь. Но получив в свои руки власть, деньги и войска, русские цари повели дело так, что теперь хозяевами Русской земли стали они, а не народ.

Царь, который должен был быть слугой народа, исполнителем его воли—стал его господином, каким-то высшим существом, перед которым нужно падать на колени и восхвалять его

за все, что он делает. И цари прилегают все силы к тому, чтобы поддерживать в народе такое отношение к себе. Послушные им попы сочинили церковные службы, в которых почти только и слышно: „благочестивейшему, самодержавнейшему, великому государю нашему“, подумаешь, что у голодного, притесняемого, бесправного Русского народа только и заботы, что о „благоденствии царствующего дома“. Царские угодники, вроде генерала Богдановича, награждаемые за это чинами, деньгами и орденами, пишут для этого народа книжки, в которых восхваляют царя чуть-чуть не выше бога и уверяют, что царь только и думает, что о своем народе. Когда находятся люди и рабочие, студенты, которые говорят народу: „да очнитесь, какие бельма закрывают ваши глаза. Неужели вы не понимаете, что хозяева России—вы, а не царь, что вы имеете право жить по своим законам и по своей правде, а не так, как приказывает царь“. Когда ктонибудь скажет это, то такого человека сажают, как преступника, в тюрьму, ссылают на каторгу, а народу говорят, что это „злоумышленник“, который желает народу зла. И живет себе царь, как сыр в масле катаясь в богатстве и почете, роскошествуют охраняемые царем чиновники, заводчики и помещики, а сила черноземной земли Русской, трудящийся народ, голодный, забитый и презираемый жметя друг к дружке и грезит о пышном ласковом барине...

Жители Русской земли, наступает великое время. Овечьи грезы рассеиваются, рабочий народ просыпается и видит, что он в собственной стране не хозяин, а раб. И царь тоже видит, что ему перестали вернуть, сбросил с себя личину и вот по всей широкой стране идет борьба между царем и народом. Он уже не скрывает, он ясно показывает своими делами, что ему близки только свои интересы милых ему заводчиков и помещиков. Когда рабочие вступают в стачку, чтобы улучшить свое тяжелое положение, на них налетают царские жандармы, пристава и казаки, бьют нагайками, сажают в тюрьмы. Несчастные солдаты не понимают, какое преступление они совершают, стреляя по рабочим, как по врагам, и устилают землю трупами своих братьев. Когда изголодавшиеся, теснимые мужики встают на помещиков—царь посылает на них губернатора с полицией и казаками. И казаки, это позор Русских войск, эти крещеные башибузуки, грабят мужиков, засекают их на смерть, насилуют их жен и дочерей. И царь не наказывает насильников. Он выражает свою „высочайшую благодарность“ и награждает, как героев. Братья, великая война началась. В Петербурге, в Киеве, в Ростов на-Дону, Тихорецкой, Златоусте, Тифлисе, Томске, Батуме и пр., везде улицы обагрены кровью борцов, выступивших против самодержавия.

На одной стороне стоит изнеженный жизненными благами, облитый русской кровью самодержавец, прячась за нагайки и заряженные ружья, он надменно говорит: „я земной бог, я делаю, что хочу, и горе вам, рабы, если вы не будете работать на меня, кланяться мне и восхвалять все, что я делаю“.

На другой стороне стоит закаленный в нужде рабочий с мускулистыми, мозолистыми руками; он сурово отвечает: „нет, ты не земной бог, а простой жалкий человек, испорченный роскошью, властью и лестью; работать на тебя мы не хотим, восхвалять тебя не за что: ты держишь руку богатых и сильных, давишь тех, кто работает. А царь земли тот, кто трудится. Нам не нужен ты, не нужны твои бездушные чиновники и полиция. Россия принадлежит нам. Мы хотим свободно жить в свободной стране, хотим, что-бы странюю управляли наши выборные, чтобы они же издавали законы и давали нам строгий отчет, куда идут собираемые с нас деньги. Мы хотим, чтобы у нас не было бедняков и богачей, дворян, простонародья, чтобы все были равны, чтобы фабрики, заводы и земля принадлежали всему народу, чтобы всякий мог трудиться и чтобы только тот, кто трудится, имел право на жизнь и ее блага. Кто-же победит в начавшейся борьбе? Может-ли быть в этом сомнение? Царское насилие и беззаконие было могуче, пока люди подчинялись ему, как овцы, теперь овечьим чувствам настал конец, поднимаются люди свободные, гордые и смелые; а когда человек почувствует себя человеком, то нет на всей земле силы, которая могла бы обратить его опять в смиренную и покорную овцу. Жители Русской земли, долгие годы, века вы были только жителями и овцами его императорского величества—довольно, мы хотим быть людьми и гражданами. В великой войне с царем, которая идет по всей России, мы не отступим, пока не завоюем себе свободы и не свергнем беззаконника царя и его полицию, и чиновников, и к нам в наши ряды и под наши знамена зовем мы всех, кто не хочет быть овцой, и в ком жива человеческая душа, жива честь и совесть... И так:

Долой самодержавие! Да здравствует Социал-Демократическая Республика!

ПРИВЛЕЧЕННЫЕ К СУДУ

за участие в демонстрации 1903 года.

1. *Балазин*, Василий, раб., где находится теперь—неизвестно.
 2. *Васильев*, он-же Соловьев, Вячеслав Николаев, владелец переплетной мастерской, строил свою жизнь на началах, близких к коммунистическим, приучая к ним бывших у него в учении мальчиков. Где теперь находится—неизвестно.
 3. *Василевский*, Леонид Станиславов, оказался провокатором, был расстрелян Чрез. Ком. в 1918 г.
 4. *Деев*, Иван Семенов, раб., теперь работает, кажется, на Патронном заводе.
 5. *Евлампиев*, Егор Антонов, раб., умер в апреле 1923 г.
 6. *Иваненко*, Евгений Михайлов, раб., умер в 1907 г. от туберкулеза.
 7. *Кудрявцев*, Николай Николаев, теперь инженер-строитель Кизилстроя на Урале.
 8. *Моревский*, Егор Иванов, раб., выдвинулся, стал инженером, теперь работает в В. С. Н. Х.
 9. *Морозов*, Алексей Зотов, раб. ж. д., оказался провокатором. Где теперь находится—неизвестно.
 10. *Рождественский*, Николай Васильев, теперь служит на Патронном заводе.
 11. *Рождественская*, Александра Васильева, была активная работница, теперь замужем за Н. Кудрявцевым, живет на Урале.
 12. *Рождественская*, Анна Васильева, была привлечена к суду случайно, активно в революции не участвовала.
 13. *Сидоров*, Александр Михайлов, инт., где теперь находится—неизвестно.
 14. *Фролов*, Александр Сергеев, раб., литератор, теперь директор завода на Украине.
 15. *Фролов*, Петр Сергеев, раб., теперь работает в Московском Губоно.
 16. *Черпаков*, Петр Владимиров, где находится теперь—неизвестно.
 17. *Шишков*, Александр Матвеев, теперь заведует Тульским губ. стат. бюро.
 18. *Шлычев*, Сергей Григорьев, где находится теперь—неизвестно.
-
- Т

~~УК.~~ 33к

Издания Тульского Истпарта.

Тула, Сапуновский пер., помещение партклуба.

1. Революционное Былое № 1, цена 50 коп. золотом.
 2. Революционное Былое № 2, цена 1 руб. золотом.
 3. Красная армия в Красной Кузнице за 5 лет. Юбилейный сборник.
 4. Памятка Тульского рабочего -- хронологический перечень революционных Тульских событий.
 5. Н. Добротвор. Первая рабочая демонстрация в Туле.
-